О жизни Декарта и его методѣ направлять умъ правильно и изыскивать въ наукахъ истину.

(Лекція К. Г. Якоби, прочитанная въ Берлинѣ 3 янв. 1846 г.).

Переводъ А. Н. Крылова и А. Б. Ферингеръ.

Событія міровой важности заставляютъ теперь перестраивать на новыхъ началахъ весь укладъ жизни и дѣятельности многомилліоннаго народа на громадной территоріи. Такая работа въ каждой области требуетъ вдумчиваго осмотрительнаго и всесторонняго обсужденія, ибо человѣческому уму свойственно принимать правдоподобное за истинное и, довольствуясь мнимыми доводами, приходить вмѣсто вѣрныхъ выводовъ къ ложнымъ.

Вотъ почему представляется умѣстнымъ напомнить жизнь мыслителя, призывавшаго къ особенной осмотрительности въ сужденіяхъ и рѣшившагося даже изложить методъ для правильнаго направленія ума. Жизнь этого мыслителя и сущность его ученія изложены съ удивительнымъ мастерствомъ и краткостью однимъ изъ величайшихъ математиковъ прошлаго вѣка К. Г. Якоби въ публичной лекціи, прочитанной въ Берлинѣ 3-го января 1846 г.

Эта лекція напечатана въ 7-мъ томѣ полнаго собранія сочиненій Якоби; эти сочиненія рѣдко попадаютъ въ руки иныхъ читателей, кромѣ спеціалистовъ-математиковъ. Поэтому помѣщеніе перевода этой лекціи въ такомъ журналѣ, какъ „Успѣхи Физики“ и казалось намъ своевременнымъ и умѣстнымъ.

А. К.

Въ исторіи есть время полночнаго мрака—около 1000-го года послѣ Рождества Христова. Къ этому времени человѣчество утратило самую память объ искусствѣ и наукахъ. Послѣдній лучъ зари свѣтлаго языческаго міра угасъ и ничто еще не предвѣщало разсвѣта. Все, что въ мірѣ сохранилось еще отъ просвѣщенія, находилось у сарациновъ, и любознательному монаху, ставшему впослѣдствіи папой, пришлось въ переодѣтомъ видѣ учиться въ ихъ университетахъ, и за это онъ затѣмъ былъ въ странахъ запада почитаемъ за чудо.

Наконецъ послѣ того, какъ христіанство достаточно долго намолилось костямъ мучениковъ, оно устремилось ко гробу самого Спасителя, и здѣсь вторично познало, что гробъ пустъ и что Христосъ

воскресъ. Тогда и оно воскресло и вернулось къ дѣятельной и дѣловой жизни. Предпріимчивость обновила торговлю и ремесла; города расцвѣли; возникло свободное гражданство. Цимабуэ вновь изобрѣлъ погибшее искусство живописи, Данте—поэзіи. Сильные и великіе духомъ мужи, какъ Абеляръ и Ѳома Аквитанскій, осмѣлились внести въ католическое вѣроученіе Аристотелеву логику,—такимъ образомъ возникла *схоластическая философія.* Но если церковь и приняла науку подъ свое покровительство, то она потребовала, чтобы въ ученіяхъ науки соблюдалось такое же безусловное преклоненіе передъ авторитетомъ, какъ и въ ученіяхъ церкви. Схоластика не только не освободила человѣческаго ума, а наложила на него путы на долгія столѣтія и устранила отъ него даже самую мысль о возможности свободнаго научнаго изслѣдованія. Наконецъ, и здѣсь просвѣтлѣло,—человѣчество осмѣлилось использовать свое право добывать познанія о природѣ вещей *собственнымъ разумѣніемъ.*

Въ исторіи наступленіе этого періода называется эпохой возрожденія. На порогѣ этой эпохи возвышается надъ всѣми *Ренэ Декартъ,* возымѣвшій героическое рѣшеніе начать во всѣхъ вопросахъ познанія съ начала и *все,* доселѣ основанное на авторитетѣ, подвергнуть вновь изслѣдованію. Позвольте мнѣ посвятить настоящую бесѣду этому необыкновенному человѣку и исторіи его героическаго рѣшенія, ставшаго міровымъ событіемъ.

Родившійся въ 1596 году въ семьѣ старинной знати Турении, воспитанный въ іезуитской школѣ въ Ла-Флэшъ, онъ на восемнадцатомъ году своей жизни приходитъ къ заключенію, что въ наукахъ, которыя, онъ основательно и съ горячею ревностью изучалъ, чтобы получить надежное и ясное сужденіе во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ онъ обманулся, и онъ рѣшаетъ ихъ отринуть. На короткое время онъ предается въ Парижѣ съ другими молодыми дворянами развлеченіямъ, доступнымъ его возрасту и положенію, главнымъ образомъ,—игрѣ. Этимъ еще менѣе удовлетворенный, онъ скрывается отъ друзей и, поселившись въ глухомъ домѣ С.-Жерменскаго предмѣстья, въ глубочайшемъ уединеніи посвящаетъ два года математическимъ размышленіямъ. Наконецъ, узнанный, видя невозможность избѣжать круговорота жизни парижскаго общества, онъ рѣшается изучать міръ на бо́льшемъ просторѣ. Солдатская перевязь служитъ ему паспортомъ въ это преисполненное военныхъ тревогъ время. Сперва онъ отправляется въ Голландію, въ Бреду, чтобы изучать военное дѣло подъ начальствомъ принца Морица, но такъ какъ этотъ послѣдній какъ, разъ въ это время заключилъ на два года перемиріе со Спинолою, то онъ ѣдетъ въ Франкфуртъ, чтобы присутствовать на великолѣпномъ торжествѣ коронованія императора Фердинанда II; затѣмъ онъ поступаетъ добровольцемъ въ войска, вербуемыя Баварскимъ герцогомъ

противъ Богеміи. Онъ начинаетъ кампанію на зимнихъ квартирахъ въ небольшомъ мѣстечкѣ, расположенномъ на Дунаѣ въ герцогствѣ Нейбургскомъ. Здѣсь въ глубочайшемъ уединеніи 22-хъ лѣтній юноша приходитъ къ выводу, что для познанія истины ему необходимо освободиться отъ всѣхъ представленій, полученныхъ извнѣ, необходимо отбросить всѣ переданныя авторитетами знанія, разрушить весь свой умственный и нравственный міръ и создать себѣ новый, прекраснѣйшій, при посредствѣ заложенной въ сынахъ земли мощи разума. Это не есть предпріятіе дерзкаго самомнѣнія; онъ мучительно чувствуетъ это самоотреченіе и въ горячей молитвѣ призываетъ на помощь въ своемъ трудномъ начинаніи Приснодѣву Марію, давая обѣтъ совершить паломничество въ Лоретто. Само собою понятно, что, ставя вопросы относительно всего доступнаго уму, онъ считалъ, что истины и преданія религіи, какъ уму непостижимыя, должны быть принимаемы безъ доказательства.

Весною 1620 года герцогъ Баварскій продвинулъ свои войска въ Швабію; здѣсь, въ Ульмѣ, Декартъ воспользовался случаемъ посѣтить стараго знаменитаго учителя математики Ивана Фаульхабера, который, конечно, былъ немало удивленъ, найдя въ молодомъ солдатѣ такія математическія познанія, что онъ шутя рѣшалъ самыя трудныя его задачи. Въ сентябрѣ Декартъ поѣхалъ съ французскимъ посланникомъ въ Вѣну; здѣсь, узнавъ, что его полководецъ, герцогъ Баварскій, ведетъ войска въ Богемію, онъ возвращается къ арміи, участвуетъ въ знаменитой битвѣ при Прагѣ и съ побѣдителями вступаетъ въ городъ. Такимъ образомъ, его первое воинское дѣло было направлено противъ отца той принцессы, которая впослѣдствіи стала первой и усерднѣйшей его ученицей по философіи и математикѣ. Зимнюю стоянку онъ провелъ въ южной Богеміи, усердно занимаясь для осуществленія намѣченнаго имъ великаго плана. Весною 1621-го года онъ принимаетъ участіе въ походѣ австрійскаго генерала Бюкуа въ Венгрію противъ знаменитаго семиградскаго князя Бетлена Габора и присутствуетъ при счастливой осадѣ Пресбурга и Тирнау; но несчастная катастрофа при Нейгаузенѣ, гдѣ погибъ Бюкуа, отвращаетъ его отъ войны. Черезъ день по снятіи осады, онъ вмѣстѣ съ многими другими французами и валлонами, бывшими при арміи, возвращается въ Вѣну, а такъ какъ во Франціи возобновилась война съ гугенотами, въ Парижѣ же свирѣпствовала чума, то онъ рѣшилъ отправиться на мирный сѣверъ Европы. Онъ возвращается въ Моравію, оттуда ѣдетъ въ Силезію, объѣзжаетъ всю Польшу, въ то время простиравшуюся весьма далеко, берегъ Балтійскаго моря, Померанію, Бранденбургъ, Гольштинію, оттуда моремъ въ восточную Фрисландію, на переходѣ изъ Эмдена въ Западную Фрисландію подвергается опасности быть убитымъ корабельщиками, такъ какъ съ нимъ былъ только одинъ слуга, возвра-

щается въ Голландію, гдѣ остается на нѣкоторое время, и, наконецъ, въ мартѣ 1622 года прибываетъ въ Реннъ къ своему отцу. Вѣроятно, что во время этого путешествія онъ посѣтилъ также Кенигсбергъ и Берлинъ. Въ семьѣ онъ проводитъ годъ въ нерѣшимости объ образѣ жизни, который соотвѣтствовалъ бы его призванію и его научнымъ планамъ. Онъ снова ѣдетъ въ Парижъ, гдѣ, послѣ почти трехлѣтней чумы, начинаютъ дышать болѣе чистымъ воздухомъ; здѣсь его принимаютъ за розенкрейцера, хотя ему за все время его странствованій ни разу не удавалось напасть на слѣдъ этого незримаго общества, о которомъ въ то время много печаталось. Онъ прослылъ за одного изъ 36 посланцевъ, будто бы отправленныхъ по всей Европѣ ихъ таинственнымъ начальникомъ, съ которымъ можно было сноситься лишь волею и мыслями, невидимыми путями. Продавъ бо́льшую часть перешедшихъ къ нему по наслѣдству съ материнской страны имѣній въ Пуату, чтобы на вырученныя деньги купить себѣ подходящую должность, онъ рѣшаетъ, прежде чѣмъ связать себя, посѣтить Италію.

Черезъ Базель, Цюрихъ, Граубинденъ, Тироль онъ ѣдетъ въ Венецію, присутствуетъ при вѣнчаніи дожа съ моремъ, исполняетъ данный въ Нейбургѣ обѣтъ посѣтить Лоретто, оттуда отправляется въ Піемонтъ, чтобы согласно данному отцу обѣщанію пріобрѣсти мѣсто интенданта при французской арміи, выступавшей подъ начальствомъ маститаго констабля Ледигіера въ походъ противъ Генуи и испанцевъ. Послѣ того какъ эта попытка не удалась, онъ совершаетъ паломничество въ Римъ, куда католическій міръ привлекался празднованіями 25-лѣтняго юбилея; здѣсь ему представляется обширная возможность ознакомиться съ нравами различныхъ національностей, сюда собравшихся, и онъ отказывается отъ своего первоначальнаго намѣренія посѣтить Сицилію и Испанію. Онъ возвращается черезъ Флоренцію, не видавъ, однако, Галилея, котораго наравнѣ съ нимъ можно считать возстановителемъ наукъ. Онъ присутствуетъ затѣмъ при взятіи французами Гави и при знаменитыхъ подвигахъ герцога Савойскаго, послѣ чего черезъ Туринъ и Ліонъ возвращается на родину; здѣсь Шательро предлагаетъ ему мѣсто генеральнаго лейтенанта, но Декартъ уже не можетъ отрѣшиться отъ привычки посвящать жизнь всецѣло своимъ изслѣдованіямъ. Три года онъ проводитъ въ Парижѣ по возможности въ замкнутости, ведя настолько простой образъ жизни, насколько это возможно безъ аффектаціи. Все-таки мы должны себѣ представлять нашего философа въ бывшей тогда въ ходу шелковой одеждѣ, при шарфѣ и шпагѣ, въ шляпѣ съ перомъ, что для него, какъ дворянина, было неизбѣжно.

Свое время онъ посвящаетъ то самымъ отвлеченнымъ математическимъ изысканіямъ, то физическимъ опытамъ, при чемъ пріобрѣтаетъ большую опытность въ шлифованіи стекла, то изслѣдуетъ самые глу-

бокіе вопросы механики, въ которой открываетъ являющееся всеобъемлющимъ начало возможныхъ скоростей. Замѣтивъ, однако, сколь немногимъ онъ можетъ сообщать объ этихъ работахъ, онъ перебрасывается отъ нихъ къ тому, что считаетъ наивысшимъ: къ изученію человѣка; но оказывается, что большинство знаетъ человѣка еще меньше геометріи, почему онъ все больше и больше замыкается въ самомъ себѣ. Слава о немъ дѣлаетъ невозможнымъ желательное уединеніе,— цѣлыя толпы писателей и ученыхъ, ищущихъ знакомства или бесѣды, обращаютъ его домъ въ академію. Напрасно пытается онъ скрыться въ отдаленнѣйшихъ кварталахъ Парижа; слуга, котораго замѣтили, выдаетъ его. Въ досадѣ онъ въ августѣ 1628 года покидаетъ Парижъ, чтобы добровольцемъ участвовать въ осадѣ Рошелли, которая велась лично королемъ; при этомъ онъ изслѣдуетъ знаменитую плотину кардинала Ришелье; послѣ побѣдоноснаго вступленія короля въ Рошелль, онъ возвращается въ Парижъ.

При своей обширной дѣятельности, не прерывавшейся даже сумятицею походныхъ стоянокъ, онъ собралъ много матеріаловъ, но ничего еще не издавалъ.

Надо сказать къ чести католическаго духовенства того времени, что оно въ высокой степени способствовало наукѣ и любило ее; этимъ оно составляло похвальную противуположность протестантскимъ изувѣрамъ, воплями коихъ науки въ Германіи были заглушены, и можетъ быть, міръ обязанъ двумъ кардиналамъ—Берюллю и папскому нунцію Банье—пользованіемъ тѣми плодами, которымъ Декартъ давалъ медленно созрѣвать. На вечернемъ собраніи у папскаго нунція нѣкій де-Шанду [1]) излагалъ начало новой философіи и снискалъ общее одобреніе своимъ остроумнымъ и краснорѣчивымъ изложеніемъ. Декартъ молчалъ; его настойчиво упросили высказать свое мнѣніе; похваливъ смѣлость докладчика, рѣшившагося сбросить путы схоластики, онъ обратилъ вниманіе на ту мощь, съ которою правдоподобное заступаетъ мѣсто истиннаго. Если довольствоваться, какъ то дѣлаетъ высокое собраніе, правдоподобнымъ, то его легко убѣдить мнимыми обоснованіями, что ложное истинно, и, наоборотъ, заставить его признать истинное ложнымъ. Въ подтвержденіе онъ предложилъ собранію высказать завѣдомо вѣрное положеніе: двѣнадцатью доводами одинъ допустимѣе другого онъ доказалъ собранію, что это положеніе ложно. Затѣмъ онъ предложилъ высказать завѣдомо ложное положеніе и двѣнадцатью другими доводами онъ привелъ своихъ слушателей къ признанію этого положенія вѣрнымъ. На вопросъ, нѣтъ ли способа оградиться

---

[1]) Этотъ де-Шанду впослѣдствіи во время гражданскихъ безпорядковъ во Франціи, подобно многимъ другимъ, занялся изготовленіемъ фальшивой монеты и былъ повѣшенъ на площади Гревъ.

отъ мнимыхъ обоснованій, онъ указываетъ на свой способъ, взятый изъ области математики. Во многихъ частныхъ бесѣдахъ онъ возбуждаетъ восхищеніе кардинала Берюлля къ этому способу и различнымъ его приложеніямъ, имѣющимъ также цѣлью улучшеніе матеріальнаго благосостоянія человѣчества, ибо онъ уже тогда имѣлъ въ виду усовершенствованіемъ механики повысить производительность рабочей силы человѣка, что теперь, ставъ дѣйствительностью, преобразовало міръ.

Благочестивый кардиналъ пользуется вліяніемъ своего духовнаго сана и указываетъ Декарту на отвѣтственность передъ Богомъ за ограбленіе человѣчества, если онъ утаитъ плоды своихъ трудовъ, призывая на него въ противномъ случаѣ божественную помощь. Декартъ рѣшается тогда завершить свое твореніе, приложивъ этому возможно лучше свои силы обнародовать его и скрыться, чтобы посвятить себя всецѣло этой великой задачѣ. Онъ переѣзжаетъ въ Голландію, прохладный климатъ которой ему нравится. Здѣсь онъ проводитъ двадцать лѣтъ; нигдѣ надолго не останавливаясь, онъ странствуетъ, подобно израилю въ пустынѣ, устраиваясь то здѣсь, то тамъ: въ деревняхъ, на дачахъ, въ предмѣстьяхъ большихъ городовъ, всегда на короткое время. Скрываясь отъ всѣхъ, онъ находится тѣмъ не менѣе въ живомъ общеніи съ наилучшими умами своего вѣка; посредникомъ ему служилъ ученый патеръ Мерсеннъ, жившій въ Парижѣ, старинный его другъ, также воспитанникъ школы Ла-Флешъ, которому одному всегда было извѣстно его мѣстопребываніе. Пріемная монастыря меньшихъ братій на королевской площади служила средоточіемъ ученѣйшихъ сношеній; здѣсь Мерсеннъ сообщалъ отвѣты вѣщателя, котораго черезъ него запрашивали, и принималъ новые вопросы или новыя сомнѣнія.

По прибытіи въ Голландію Декартъ посвящаетъ себя съ обновленною ревностью діоптрическимъ, химическимъ и физическимъ опытамъ, съ которыми чередуются анатомическія и медицинскія изслѣдованія, астрономическія наблюденія, метафизическія умозрѣнія. Явленіе ложныхъ солнцъ дало ему поводъ изслѣдовать всю область воздушныхъ явленій, въ особенности радугу. Во время небольшого путешествія въ Англію онъ наблюдалъ близъ Лондона склоненіе магнитной стрѣлки. Декартъ хотѣлъ вмѣстить все въ одну книгу, озаглавленную имъ „Міръ“, въ ней онъ стремился доказать и объяснить необходимость всего сотвореннаго. Чтобы оградить себя отъ богословскихъ возраженій, онъ прибѣгъ къ такому пріему: онъ совершенно отвлекся отъ *истиннаго* міра и изслѣдовалъ, каковъ долженъ бы быть міръ, если бы Богъ заставилъ законы природы воздѣйствовать на хаотически спутанную матерію. Сперва онъ даетъ описаніе этой матеріи и приписываетъ ей простѣйшія свойства, затѣмъ излагаетъ законы природы и доказываетъ ихъ необходимость

такъ, что если бы Богъ сотворилъ много міровъ, то всѣ они управлялись бы тѣми же самыми законами. Онъ показалъ, какъ этотъ пустынный хаосъ преобразуется въ небо съ солнцемъ и звѣздами, планетами и кометами; показалъ необходимость и природу свѣта солнца и звѣздъ, какъ свѣтъ въ одинъ мигъ пробѣгаетъ неизмѣримыя пространства и какъ онъ долженъ отражаться планетами. Онъ описалъ вещество, взаимное расположеніе, движеніе и прочія свойства небесныхъ тѣлъ, такъ что можно было признать, что въ этомъ мірѣ нѣтъ ничего, что не должно бы быть таковымъ, какъ оно есть. Послѣ этого онъ спускается на землю, объясняетъ, какъ ея части должны стремиться къ центру, какъ отъ расположенія земли относительно солнца и луны происходятъ приливы и отливы, великое морское теченіе въ тропикахъ съ востока на западъ, пассатные вѣтры, какъ по законамъ природы образуются горы, моря, источники, рѣки, какъ металлы скопляются въ горныхъ жилахъ, какъ образуются всѣ сложныя тѣла, какъ произрастаютъ растенія. Послѣ этого онъ переходитъ къ животнымъ и человѣку, но тутъ онъ сознается, что ему для полности проникновенія въ необходимость этого организма недостаетъ химическихъ и анатомическихъ познаній. Однако, изъ всѣхъ этихъ формъ матеріи не можетъ возникнуть мыслящій духъ,—для этого необходимо новое божеское твореніе, онъ и хочетъ закончить свой трудъ изложеніемъ сущности духа.

Насъ поражаетъ смѣлость этого предпріятія. Вырвавшійся изъ темницъ схоластики и вновь обрѣтшій себя духъ жадно упивается божественнымъ дуновеніемъ свободнаго изслѣдованія, ликуя стремится окрыленнымъ бѣгомъ пройти неизмѣримый путь познанія и, видя мерещуюся вдали конечную цѣль всякаго познанія, ему кажется, что онъ въ состояніи достигнуть ея въ утлой ладьѣ.

17-го февраля 1600 года въ Римѣ на площади Флоры, передъ театромъ Помпея былъ заживо сожженъ *Джіордано Бруно*, причемъ осудившіе его дрожали больше, нежели онъ самъ. 19-го февраля 1619 года въ Тулузѣ былъ задушенъ *Ванини*, послѣ того какъ клещами ему былъ вырванъ языкъ, тѣло-же его затѣмъ было обращено въ пепелъ. *Компанеллу* таскали по 50 подземнымъ темницамъ и семь разъ подвергали жесточайшей пыткѣ, изъ которыхъ одна продолжалась сорокъ часовъ.

Повидимому, ничто, однако, не произвело на Декарта такого впечатленія, какъ полученное въ 1633 году, какъ разъ во время послѣдняго просмотра „Міра“ передъ отсылкою къ отцу Мерсенну, извѣстіе, что знаменитѣйшій, любимый и искренно уважаемый Тосканскимъ герцогомъ Галилей захваченъ инквизиціей и на колѣняхъ долженъ былъ отречься, какъ отъ ереси, отъ движенія земли вокругъ неподвижно стоящаго солнца. Въ душѣ Декарта произошло болѣзненное

раздвоеніе, которое онъ никогда болѣе не смогъ побороть. Онъ былъ настолько же убѣжденъ въ вѣрности ученія Коперника, насколько и въ своемъ собственномъ существованіи, настолько же онъ былъ убѣжденъ и въ непогрѣшимости папы. Въ тоскѣ онъ рѣшается не давать ходу своему произведенію. Работы двухъ столѣтій закрѣпили въ непоколебимыхъ умозаключеніяхъ то, что тогда носилось передъ творческимъ взоромъ въ неясно очерченныхъ образахъ, свободное изъисканіе привело къ такимъ познаніямъ, о которыхъ въ то время и не мечтали. Въ болѣе счастливые дни, когда жизнь генія не пресѣкается болѣе огненной цензурой, мы имѣемъ возможность привѣтствовать „Міръ" благороднаго ума и великаго изслѣдователя [1]), котораго мы съ гордостью называемъ своимъ—„Міръ", столь богато возмѣстившій насъ за тотъ прежній погибшій.

Наконецъ, друзьямъ удалось поколебать принятое Декартомъ рѣшеніе ничего при жизни изъ своихъ сочиненій не печатать, и въ 1637 г. появилось въ Лейденѣ его первое большое сочиненіе, на которое онъ получилъ изъ Франціи, бывшей въ то время подъ управленіемъ великаго кардинала, основателя Парижской Академіи наукъ, почетную привилегію напечатать не только эту книгу, но и всѣ дальнѣйшіе труды его. Этотъ фактъ составляетъ отрадную противоположность тѣмъ преслѣдованіямъ, которымъ Декарту приходилось подвергаться со стороны протестантскихъ богослововъ только что основаннаго Утрехтскаго Университета. Они съ яростнымъ ожесточеніемъ взвели на его ученія навѣтъ какъ на атеистическія и опасныя для государства, и онъ нашелъ защиту лишь въ просвѣщенной мудрости принца Морица Оранскаго. Подобнымъ образомъ протестантскіе богословы Тюбингенскаго Университета за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ изгнали нашего великаго Кеплера, отказали ему въ разрѣшеніи печатать его астрономическія сочиненія, такъ что Инспрукскимъ іезуитамъ пришлось ихъ напечатать на свой счетъ. Кеплера, котораго можно считать мученикомъ за протестантскую вѣру, безбоязненно исповѣдуемую имъ при императорскимъ дворѣ, отлучили отъ причастія за то, что онъ оставаясь вѣрнымъ Аугсбургскому исповѣданію, не хотѣлъ присягнуть конкордату и проклясть кальвинистовъ; запретили ему чтеніе библіи, какъ неподобающее міранину, и чуть что не сожгли его мать, какъ вѣдьму, при чемъ ему удалось ее спасти лишь благодаря смѣлой защитѣ передъ судомъ и благодаря своему положенію императорскаго математика.

Книга Декарта содержитъ четыре различныхъ сочиненія: статью „О методѣ правильно направлять свой умъ для изысканія истины въ

---

[1]) Алекс. Гумбольдтъ, и его сочиненіе „Космосъ", т.-е. „Міръ", какъ разъ только что вышедшее. (*Примѣч. переводчика*).

наукахъ“, „Діоптрику“, „Метеоры“ и „Геометрію“. Въ трехъ послѣднихъ сочиненіяхъ онъ хотѣлъ дать примѣръ приложенія своего метода къ предмету чисто математическому, чисто физическому и смѣшанному. Его „Геометрія“ преобразовала математическія науки, освободила геометрію отъ господства частностей и фигуръ и сдѣлала ее предметомъ общаго исчисленія. Въ его діоптрикѣ мы находимъ начало того представленія о свѣтѣ, къ которому въ настоящее время возвратились физики, и единственно которымъ они въ состояніи объяснить удивительные законы простого и двойного лучепреломленія и образованія цвѣтовъ. Я подразумѣваю теорію волнообразнаго движенія, согласно которой не матерія, отдѣлившаяся отъ свѣтящагося тѣла, направляется къ нашему глазу, а приходитъ въ колебанія свѣтовой эфиръ.

Но я хочу остановиться подробнѣе лишь на *Методѣ* Декарта, какъ кратко называютъ первое изъ упомянутыхъ сочиненій; въ немъ онъ даетъ картину своего творчества. По простому и благородному изложенію это сочиненіе составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ никѣмъ еще непревзойденный памятникъ французской литературы.

Здравый разсудокъ,—такъ начинаетъ онъ свой *Методъ*,—изъ всѣхъ вещей въ этомъ мірѣ наилучшимъ образомъ распредѣленъ, ибо даже тѣ, которые въ остальномъ ничѣмъ не довольны, находятъ, что удѣленная имъ доля достаточна. Этимъ онъ не хочетъ сказать, что они ошибаются, но что это показываетъ, что разумъ въ началѣ заложенъ въ каждомъ полностью, и что различіе мнѣній происходитъ лишь отъ различія въ ходѣ, придаваемомъ нами мыслямъ, и отъ различія разсматриваемыхъ нами предметовъ. Декартъ считаетъ, что самъ онъ съ юношескаго возраста находился на пути, приведшимъ его къ надежному способу подняться въ своихъ познаніяхъ до высшей ступени, которая вообще была для него достижима, по свойствамъ его духовныхъ силъ и по краткости человѣческой жизни. Но чтобы отъ общественнаго мнѣнія узнать, не ошибается ли онъ,—онъ желаетъ открыто представить эти пути слѣдованія своего духа и всю свою жизнь какъ на картинѣ. Сочиненіе его не должно содержать общихъ правилъ, которымъ каждый могъ бы слѣдовать, но его надо разсматривать какъ исторію или басню, изъ которой всякій можетъ почерпнуть то, что ему покажется подходящимъ.

Съ самаго дѣтства,—продолжаетъ онъ,—я воспитанъ въ наукахъ, и такъ какъ мнѣ говорили, что черезъ нихъ можно получить вѣрный и ясный взглядъ на всѣ полезные въ жизни предметы, то я питалъ непреодолимую страсть къ ихъ изученію. Однако, по окончаніи обычнаго курса наукъ, я почувствовалъ себя подверженнымъ столь многимъ заблужденіямъ и сомнѣніямъ, что я самъ себѣ казался еще болѣе несвѣдущимъ, нежели ранѣе. Между тѣмъ, я учился въ одной изъ первыхъ школъ Европы, въ которой должны были быть такіе ученые

какъ нигдѣ въ мірѣ; я выучилъ все, что тамъ преподавали, кромѣ того, я изучилъ о труднѣйшихъ и сокровеннѣйшихъ матеріяхъ всѣ книги, къ которымъ я только могъ получить доступъ; меня причислили *къ наилучшимъ ученикамъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ уже предназнача*лись намъ въ учителя; наконецъ, мнѣ казалось, что нашъ вѣкъ столь же богатъ хорошими умами, какъ и всякій другой,—поэтому я счелъ возможнымъ судить о другихъ по себѣ и призналъ, что ни одна отрасль знаній не дала того, на что подавала надежду.

Однако, я не пересталъ цѣнить это школьное обученіе: языки, какъ я видѣлъ, помогаютъ въ познаніи древнихъ, прелестные миѳы освѣжаютъ духъ, исторія, читаемая съ осторожностью, образуетъ сужденія, подвиги же, въ ней описываемые, возвышаютъ душу; чтеніе всѣхъ хорошихъ книгъ казалось мнѣ какъ бы бесѣдою съ выдающимися умами прошлаго, и притомъ бесѣдою изысканною, въ которой они открываютъ свои наилучшія мысли; я не отрицалъ силы краснорѣчія, красоты поэзіи, остроумія открытій математики, удовлетворяющихъ жажду изслѣдованія, усовершенствующихъ ремесла и облегчающихъ работу человѣка; я зналъ, что въ морали заключаются полезныя правила добродѣтели, что богословіе указуетъ путь въ рай, что философія учитъ говорить о всякихъ предметахъ допустимымъ образомъ и снискивать себѣ удивленіе полузнаекъ, что медицина и правовѣдѣніе знатокамъ ихъ доставляютъ почетъ и богатство, наконецъ, что полезно знаніе всякихъ наукъ, даже самыхъ суевѣрныхъ, какъ астрологія и алхимія, чтобы ни одной не быть обманутымъ.

Мнѣ казалось, что я потратилъ достаточно времени на языки и на старыя книги. Общеніе съ прошедшими вѣками подобно странствованіямъ: кто слишкомъ много странствуетъ, становится наконецъ чужимъ въ своей землѣ, и кто слишкомъ ревностно изслѣдуетъ дѣла минувшаго, часто не знаетъ современнаго. Краснорѣчіе и поэзію я считалъ скорѣе за божественный даръ, нежели за предметъ изученія. Математика привлекала меня больше всего твердостью и очевидностью своихъ основныхъ положеній, но я удивлялся, что на такомъ прочномъ основаніи не возведено болѣе величественнаго зданія, противопоставляя для сравненія сочиненія древнихъ о нравственности, съ гордыми, но на пескѣ построенными замками. Они ставятъ добродѣтель весьма высоко и выставляютъ ее какъ самое прекрасное въ этомъ мірѣ, но они не достаточно выясняютъ ея сущности, и часто то, чему они придаютъ столь высокое имя, есть лишь безчувственность, или гордость, или отчаяніе, или убійство. Что касается богословія, я настолько же, какъ и всякій другой, желаю попасть въ рай, но такъ какъ пути туда одинаково доступны и самымъ ученымъ и самымъ неученымъ, истины же откровенія, какъ мнѣ говорили, превыше нашего разума, то я не рѣшился включить богословіе въ кругъ моихъ из-

слѣдованій. Относительно философіи я не надѣюсь лучше достигнуть цѣли, нежели тѣ замѣчательные умы, которые въ теченіе столькихъ вѣковъ не достигли ни до чего такого, о чемъ не было бы споровъ и о чемъ, слѣдовательно, не господствовало бы сомнѣніе. Даже больше, увидавъ многообразіе мнѣній философовъ, тогда какъ истина только *одна*, я сталъ сомнѣваться во всемъ, что лишь допустимо. Правовѣдѣніе и медицина, которыя заимствуютъ свои начала отъ философіи, едва ли могутъ возвести что-либо прочное на столь зыбкомъ основаніи, заботы же о почестяхъ или выгодахъ не могли меня привлечь подъ ихъ знамя, такъ какъ мое положеніе, слава Богу, не вынуждало меня дѣлать изъ науки заработка, славой же я хотя и не пренебрегалъ, какъ циники, но и не стремился пріобрѣсти ее незаслуженно.

Поэтому, какъ только я вышелъ изъ школьнаго возраста, я совершенно прекратилъ изученіе наукъ и рѣшилъ учиться лишь по великой книгѣ міра, почему и употребилъ остатокъ моей молодости на то, чтобы путешествовать, повидать дворы, арміи, людей всѣхъ сословій и характеровъ, накоплять опытность и испытывать себя въ житейскихъ превратностяхъ. Но я нашелъ, что привычки и обычаи людей настолько же противоположны другъ другу, какъ и ученія въ школѣ, и я вновь пришелъ къ выводу, что нельзя ничего принимать за справедливое и хорошее лишь потому, что за него говорятъ привычка и примѣры; такимъ образомъ, я постепенно освободился отъ многихъ заблужденій и предразсудковъ.

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ изученія міра, я рѣшилъ однажды изучать и самого себя, чтобы заставить свой собственный разумъ указать мнѣ путь, по которому я долженъ слѣдовать. Я думаю, что это мнѣ удалось лучше, нежели было бы въ томъ случаѣ, если я не покидалъ бы школы и дома. Я принялъ это рѣшеніе, находясь въ Германіи, куда меня привлекли войны, продолжающіяся и до сихъ поръ, послѣ моего возвращенія къ арміи съ коронаціи императора во время зимней стоянки, когда меня не отвлекали отъ моихъ мыслей ни развлеченія, ни заботы, ни страсти. Я, прежде всего остановился на той мысли, что набранное изъ нѣсколькихъ частей, исполненное многими художниками произведеніе рѣдко обладаетъ такимъ совершенствомъ, какъ вышедшее изъ рукъ одного мастера.

Наше образованіе и показалось мнѣ такимъ наборомъ, ибо въ юности, съ одной стороны, нами руководятъ наши страсти, съ другой— наши учителя; эти два руководства часто находятся въ противорѣчіи между собою и часто оба не достигаютъ цѣли. Мнѣ тогда представилось, что наши заключенія были бы гораздо правильнѣе и надежнѣе если бы намъ было дано полное пользованіе нашимъ разумомъ съ самаго рожденія и если бы мы были предоставлены лишь его руководству. Мнѣ казалось поэтому, что наилучшее, что я могъ сдѣлать,

либо для насъ недостижимомъ, напр., что мы не обладаемъ Китаемъ или Мексикою. Въ такомъ случаѣ наше желаніе быть здоровыми, когда мы больны, быть свободными, когда мы въ плѣну, стало бы не сильнѣе желанія быть съ алмазнымъ тѣломъ, или съ крыльями, какъ у птицъ. Однако, онъ сознается, что требуется настойчивое упражненіе и многократно повторяемое размышленіе, чтобы привыкнуть къ разсматриванію всего съ этой точки зрѣнія. Онъ полагаетъ, что въ этомъ и состояла тайна древнихъ философовъ, которые умѣли избѣгнуть господства рока и, несмотря на страданія и бѣдность, могли быть богаче, свободнѣе, могущественнѣе другихъ людей, и даже у своихъ боговъ оспаривали счастье.

Въ заключеніе этой морали онъ обозрѣваетъ различныя людскія занятія и находитъ, что онъ ничего не можетъ дѣлать лучшаго, какъ пребывать въ своемъ и употребить свою жизнь на развитіе своего разума и изслѣдованіе истины, на что онъ уже имѣлъ свой методъ, ибо ничто не могло сравняться съ тою великою радостью, которую онъ испытывалъ отъ ежедневнаго прироста своихъ знаній, получаемаго благодаря его методу. Такъ какъ наша воля отъ природы стремится къ тому или удаляется отъ того, что разумомъ признается хорошимъ или дурнымъ, то онъ былъ убѣжденъ, что правильными воззрѣніями и понятіями пріобрѣтаются всѣ блага и добродѣтели, и это убѣжденіе и эта надежда преисполняютъ его высочайшею удовлетворенностью и блаженствомъ.

Установивъ свои положенія, какъ непоколебимыя правила вѣры, онъ считаетъ, что можетъ освободиться отъ всѣхъ остальныхъ своихъ мнѣній, но, чтобы возвести само новое зданіе, онъ рѣшаетъ выждать болѣе зрѣлаго возраста, до того же времени заняться упражненіемъ въ единственной наукѣ, обладающей очевидными обоснованіями и доказательствами,—въ математикѣ; этимъ пріучить свой умъ обращаться въ истинахъ и не довольствоваться допустимыми доводами; приложеніями математики къ физикѣ, опытами и наблюденіями пріобрѣсти болѣе богатое познаніе природы; постояннымъ примѣненіемъ болѣе и болѣе усовершенствоваться въ своемъ методѣ и болѣе и болѣе удаляться отъ старыхъ предразсудковъ и мнѣній. Достигнувъ зрѣлаго возраста и, какъ мы видѣли, понужденный благочестивымъ кардиналомъ къ изложенію своей системы и сообщенію своихъ открытій, какъ къ священной обязанности, онъ, наконецъ, переходитъ къ основанію своей философіи. Но весь прежній міръ представленій былъ имъ уничтоженъ: для него все колеблется, онъ не имѣетъ почвы подъ ногами, и гдѣ же въ этомъ морѣ сомнительнаго ему взять полную достовѣрность за исходное положеніе, за угловой камень своего зданія? Удивительно ли послѣ этого, что для него, коего все бытіе цѣликомъ претворилось въ размышленіе, оно одно непоколебимо достовѣрно, болѣе,

нежели собственное существованіе, или скорѣе, что самое его существованіе становится для него достовѣрнымъ, потому что *онъ мыслитъ*. Поэтому онъ пишетъ и кладетъ, какъ основное начало своей философіи, положеніе:

Мыслю слѣдовательно существую; je pense, donc je suis; cogito, ergo sum.

Эти слова стали исходными новой философіи, это есть лозунгъ, съ которымъ новая наука движется впередъ. Человѣкъ знаетъ, въ чемъ его сущность, туманъ схоластики разорванъ, солнце мысли взошло надъ обновленнымъ міромъ и въ его свѣтѣ ходимъ мы и поднесь. Это не есть дикій, безсознательный натискъ, противопоставляемый государству и религіи, это есть спокойная увѣренность познавшаго себя ума, который *въ нихъ и съ ними* желаетъ разрѣшить задачу человѣчества. Мудрая умѣренность съ восторженною дѣятельностью,—вотъ что вездѣ отличаетъ Декарта, и даже Римъ принялъ его сочиненія съ весьма мягкимъ примѣчаніемъ въ Указателѣ „дондеже исправлены будутъ" (donec corrigantur 22 Nov. 1663).

Въ мое намѣреніе не можетъ входить развитіе передъ вами системы ученія Декарта, какъ оно изложено имъ далѣе въ *Методѣ* и послѣдовавшихъ за нимъ *Началахъ*. Я скажу лишь нѣсколько словъ о двухъ принцессахъ, съ которыми Декартъ былъ въ тѣсномъ общеніи и которыя сопутствовали ему до конца его дней.

Въ селеніи, называемомъ Гаага, которое можно сравнить съ прекраснѣйшими европейскими городами въ то время можно было видѣть три замѣчательныхъ придворныхъ лагеря.

Двѣ тысячи гербовыхъ дворянъ, въ коллетахъ изъ буйволовой кожи, высокихъ ботфортахъ, въ оранжевыхъ шарфахъ, при палашахъ, окружали принца Оранскаго. Въ черномъ бархатѣ съ широкими кружевными воротниками и четыреугольными бородами депутаты генеральныхъ штатовъ и бургомистры являлись представителями гражданской аристократіи. Вдовствующая королева Богемская съ пятью дочерьми составляла третій придворный кругъ, въ которомъ ежедневно собирались дамы и свѣтское общество, отдавая должную дань красотѣ и уму принцессъ. Въ двухъ миляхъ оттуда въ деревушкѣ Эндегестъ, расположенной близъ Лейдена, въ сторону къ морю, жилъ съ Пасхи 1641 года Декартъ, ставшій съ годами доступнѣе. Старшая изъ принцессъ, Елизавета, была чудомъ учености. Въ достаточной мѣрѣ ознакомившись съ изящной словесностью и пріобрѣвъ основательныя познанія многихъ языковъ (*шесть* изучили всѣ сестры подъ руководствомъ матери), она обратилась къ болѣе серьезнымъ предметамъ—математикѣ и физикѣ. Но все, что она изучила, показалось ей мелкимъ и ничтожнымъ послѣ того, какъ въ ея руки попали сочиненія Декарта. Разсказы

дружившаго съ нимъ бургграфа Дона возбудили ея желаніе познакомиться съ нимъ лично. Она приглашаетъ его къ себѣ и становится ревностной его ученицей. Онъ могъ ей сообщать свои сокровеннѣйшія мысли, свои возвышеннѣйшія метафизическія размышленія, свои отвлеченнѣйшія геометрическія изысканія и онъ заявляетъ въ своихъ „Началахъ“, ей посвященныхъ, что изъ всѣхъ его учениковъ она одна вполнѣ поняла его сочиненія [1]). Изъ любви къ философіи Декарта она отклонила руку короля Польскаго Владислава IV. Когда младшій ея братъ, Филиппъ, средь бѣлаго дня на сѣнномъ рынкѣ въ Гаагѣ убилъ изъ ревности нѣкоего господина д'Эпине, мать, подозрѣвая ее въ соучастіи, выслала ее изъ Гааги, и изустное обученіе смѣнилось длительною перепиской съ Декартомъ, изъ которой, къ сожалѣнію, мы не обладаемъ письмами принцессы. До заключенія вестфальскаго міра она жила въ Кроссенѣ и Берлинѣ у своихъ бранденбургскихъ родныхъ, затѣмъ въ Гейдельбергѣ у брата своего Карла-Людвига, вслѣдствіе мира вновь вступившаго во владѣніе Пфальцемъ. Но, когда дружившая съ нею его жена, разойдясь съ мужемъ, бѣжала подъ предлогомъ охоты на подставныхъ лошадяхъ въ Кассель къ своему брату ландграфу, то и Елизавета переѣхала въ Кассель. Наконецъ, уже въ болѣе почтенномъ возрастѣ, хотя и сама была кальвинисткой, она приняла лютеранское аббатство Герфорденъ въ графствѣ Равенсберъ, которое при доходѣ въ 20.000 талеровъ доставило ей въ первый разъ въ жизни возможность независимаго, беззаботнаго существованія. Изъ этого аббатства она сдѣлала философскую академію, до самой ея смерти слывшую за одну изъ знаменитѣйшихъ картезіанскихъ академій, и предоставляла пріемъ всякому, будь то католикъ, кальвинистъ, лютеранинъ, социніанецъ или деистъ, лишь бы онъ занимался философіей. Она скончалась въ 1680 году на 61 году своей жизни.

Другимъ замѣчательнымъ явленіемъ того времени была молодая шведская королева *Христина*. Въ то время это была 19-ти лѣтняя дѣвушка, изучавшая ежедневно Тацита, учившаяся греческому языку и занимавшаяся серьезно науками; при этомъ она была ловка во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ: ни одинъ изъ ея придворныхъ не могъ застрѣлить на бѣгу зайца какъ она, мастерски ѣздила верхомъ и разъ провела во время охотничьяго праздника 10 часовъ на лошади; была закалена противъ холода и жары, никогда не носила чепца или покрывала, и лишь простая шляпа съ перомъ защищала ее отъ непогоды; туалетъ заканчивала въ четверть часа,—гребенка съ повязкой составляла все ея головное убранство; ея столъ былъ простъ и безъ приправъ; сну удѣляла лишь пять часовъ.

---

[1]) Между прочимъ, она разсмотрѣла при помощи изобрѣтенной ея учителемъ аналитической геометріи задачу,—найти кругъ, касающійся трехъ данныхъ круговъ.

При этомъ Христина съ достоинствомъ несла одну изъ могущественнѣйшихъ коронъ; недостатокъ опытности восполнялся ея острымъ умомъ, которымъ она проникала въ запутаннѣйшія дѣла и постановляла рѣшенія. Ея вдумчивый умъ настолько овладѣвалъ государственнымъ совѣтомъ, что посѣдѣлые въ дѣлахъ совѣтники часто сами потомъ удивлялись податливости, которую они ей оказывали. Иностранные послы вели дѣла не съ министрами, какъ прежде, а непосредственно съ королевой. Какъ только Христина ознакомилась съ сочиненіями Декарта, ею овладѣло желаніе отъ него самого слушать уроки по его философіи. Когда Декартъ, несмотря на ея настойчивое приглашеніе, не рѣшался пріѣхать, она отправила весною 1649 года своего адмирала Флемминга съ кораблемъ въ Голландію въ его распоряженіе; тогда онъ болѣе не противился и въ октябрѣ 1649 года прибылъ въ Стокгольмъ.

Несмотря на зимнее время, королева ежедневно въ пять часовъ утра въ своемъ кабинетѣ брала у него урокъ; она уже намѣревалась предоставить ему наслѣдственное владѣніе въ своихъ областяхъ Помераніи или Бремена, чтобы еще болѣе привязать его къ себѣ, когда, вслѣдствіе непривычной суровости климата, въ началѣ февраля, онъ скончался послѣ непродолжительной болѣзни.

Семнадцать лѣтъ послѣ его смерти, послѣ того какъ Христина давно уже сложила корону, его прахъ былъ перевезенъ въ Парижъ и похороненъ въ церкви Св. Женевьевы, теперешнемъ Пантеонѣ. Обладать такимъ прахомъ часто гораздо удобнѣе, нежели такими живущими.
